

Накамура Гандзи: искусство на жизнь не влияет

Коммерсантъ - 2003 - 12 марта - с. 22.

Накануне приезда в Москву ГАНДЗИРО III ответил в Токио на вопросы обозревателя „Ъ“ РОМАНА ДОЛЖАНСКОГО.

— Вы так изящно играете молодую девушку Охацу. Что для этого нужно — тонкое знание женской психологии или просто мастерское владение приемами традиционного театра?

— Наверное, и то и другое. Понимать психологию важно. Но важнее все-таки просто трудиться, чтобы приемы как бы проникли в ваше тело и со временем оно уже бы само по себе двигалось и выражало содержание роли. Так что учеба важнее.

— Вы играете в этой пьесе уже полвека. И за это время никто больше не играл эту роль и никто не ставил эту классическую пьесу. Как вам удается держать монополию?

— Никакой монополии нет, уверяю вас. Но почему-то всегда просят именно меня сыграть. Я даже не знаю, почему больше никто не берется. Даже было бы интересно посмотреть на другого исполнителя. Не знаю, сколько еще мне суждено играть эту роль. Все-таки тело стареет. Но пока я еще могу быстро двигаться по «дороге цветов», буду играть.

— А как менялся ваш спектакль за это время? 50 лет — это же немалый какой-то срок...

— Практически ничего не изменилось. Костюмы, грим, декорации те же самые, движения, то есть все-все. Что касается содержания, то оно во все времена воспринимается одинаково.

— Сначала возлюбленного Охацу играл ваш отец, теперь эту роль играет ваш сын. С кем легче изображать любовь?

— Да все равно с кем. Нет никакой разницы.

— Говорят, что идею создания труппы «Тикамацу-дза» вам подал великий английский актер Лоренс Оливье...

— Да. Тикамацу называли и называют японским Шекспиром. Но у нас не было театра, который бы исполнял его пьесы. Когда я был в Англии, мы разговаривали об этом с Оливье — он же очень много играл Шекспира. И тогда он мне сказал: сделайте свой театр и играйте в нем Тикамацу. Оливье пожал мне руку. Он был человеком большим, очень сильным, я запомнил это его рукопожатие на всю жизнь. И сейчас как будто чувствую.

— Каждый визит кабуки в Европу в XX веке оказывал сильное влияние на европейское искусство. А было ли, на ваш взгляд, обратное влияние — европейского театра на кабуки?

— Было, думаю, хотя трудно сформулировать конкретно. Но русский балет повлиял совершенно точно: вот эта вот позиция (пока-

зывает перекрещивающимися ладонями вытянутые ступни балерин) была использована некоторыми актерами кабуки, исполняющими женские роли. И сейчас это остается. Но мне кажется, что важнее говорить не о взаимовлиянии, а о единстве мирового театра. Когда-то я смотрел пьесу Тикамацу, которую играли грузинские актеры. Но мне казалось, что они говорили по-японски. А когда в Японии ставят Чехова, мне почему-то иногда кажется, что актеры говорят по-русски.

— Кабуки построен на довольно строгой системе кодов и знаков, понятной лишь посвященным. Когда вы гастролируете, вы рассчитываете быть по-настоящему понятыми?

— Надеюсь, что наши представления будут смотреть не просто как диковинное, экзотическое зрелище. Хотя, конечно, разные зрители видят разное, японцы — одно, а иностранцы — совсем другое. Вот англичане были довольно чуткими зрителями. Когда мы были 15 лет назад на гастролях в Москве, русская публика меня просто поразила тонкостью восприятия кабуки. — Вы заняты очень древним искусством, на котором мало отражается время. А сами вы как-то интересуетесь современной жизнью, новыми технологиями, политикой? — Не могу сказать, что я живу теленостями или техническими

новинками. Но избегать политики не удастся. Еще и потому, что моя жена — политик: она сейчас занимает пост министра транспорта в правительстве Японии.

— Владение искусством маски облегчает вам повседневную жизнь? Приходится прятаться за масками?

— Нет, что вы, искусство на жизнь никак не влияет...

— Вы стали актером, можно сказать, по династическому предопределению — так становятся королями. Вы никогда не жалели об этом, не хотелось заняться чем-то другим?

— Нет, мне с раннего детства было интересно в театре.

— Что самое важное для актера театра кабуки?

— Надо уметь смотреть на старшее поколение, надо хотеть учиться. Надо уметь перенимать опыт — это не так просто.

— А в каких отношениях между собой находятся разные труппы театра кабуки?

— Мы все живем как одна большая семья.

— Вы носите титул «Национальное достояние». Каково чувствовать себя официально признанным живым сокровищем?

— Ну, это большая честь, конечно. Хочется, чтобы следующие поколения бережно относились к кабуки. Вот я ради этого и работаю. А больше ничего этот титул не дает.